

«ВРЕМЕННИК ИВАНА ТИМОФЕЕВА» — НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ НАЧАЛА XVII в.

«Временник Ивана Тимофеева» (далее — Временник) — произведение, казалось бы, не нуждающееся в специальном представлении. С момента своего «второго обрѣтения» археографом Павлом Строевым в библиотеке Флорищевой пустыни (1833)¹ Временник неоднократно фигурировал в работах историков и филологов как источник по истории Смуты и русского литературного языка начала XVII в. Однако, несмотря на более чем полуторавековой опыт изучения памятника и его широкое использование в научной литературе, ряд фундаментальных проблем текстологии и атрибуции до сих пор остаются нераскрытыми.

1. Атрибуция

Первый вопрос, требующий уточнения, — это атрибуция памятника, известного сегодня лишь по одной-единственной копии². Несмотря на обилие автобиографической информации в тексте, автор до конца присутствует в нем лишь *incognito*. Однако имя дьяка Ивана Тимофеева как историка дважды упоминалось ближайшими современниками. Впервые о нем как об авторе неких «временных книг» заявил дьяк Записного приказа Тимофей Кудрявцев. В 1658 г. он занимался поисками по служебной линии источников возобновления Степенной книги или чего-то подобного, что могло бы претендовать на статус «официального» историописания³. Спустя несколько лет на полях флорищевской рукописи был сделан недвусмысленный комментарий: «новгородский митрополит Исидор понуждает бывающая предложить писанию дьяка Ивана Тимофѣева» (Л. 277 об.). По сути, большинство исследователей строили свой анализ на основании безапелляционного доверия к этим двум утверждениям.

С легкой руки О. А. Державиной, подготовившей последнее издание Временника, принято считать, что именно деятелями Записного приказа тимофеевское «всесложение» было обрѣтено и частично переписано, причем в работе было задействовано сразу несколько списков⁴. И первое, и последнее утверждение остается не более чем гипотезой. Во-первых, в «выписке в доклад» дьяка Тимофея Кудрявцева, ведавшего Записным приказом, сказано лишь то, что «Ивановы лѣтописные книги» лишь «чают» обрести у стольника Воротынского или боярина Львова, но не дается понять, что эти чаяния в конце концов оправдались. Во-вторых, как убедительно показал Я. Г. Солодкин, последняя реставрация текста/кодекса имела место не ранее 70-х годов XVII в., тогда как приказ просуществовал всего лишь до середины 1659 г.⁵ Впрочем, не исключено, что позднейшие редакторы рукописи могли опираться на мнение экспертов, некогда бывших у «государевой записки». Итак, вопрос, насколько связано предположение о дьяке Иване Тимофееве как об авторе неких «временных» и «лѣтописных книг» с атрибутивной припиской на листе 277 (и что было первичным), остается открытым.

Соответственно, авторство Временника, усвоенное по традиции Ивану Тимофееву, является первой проблемой, которая не может быть выяснена сегодня исходя из прямых данных текста и имеющегося в распоряжении исследователей документального материала. Наши собственные попытки обнаружить иные списки памятника или, по крайней мере, атрибутировать наиболее ранний почерк, которым писалась большая часть кодекса (30-е годы XVII в.), до сих пор успеха не имели.

¹ См.: Солодкин Я. Г. К истории введения в научный оборот «Временника» Ивана Тимофеева // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1984 г. М., 1986. С. 171.

² РГБ. Ф. 178. № 10692.

³ Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. О Записном приказе. М., 1902. С. 62–63 *passim*.

⁴ Державина О. А. Археографический комментарий // Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 446. К этому мнению присоединился И. И. Полосин, но ранее от этой гипотезы отказались первые исследователи Временника: В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и П. Г. Васенко.

⁵ Солодкин Я. Г. Временник Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск, 2002. С. 41.

Впрочем, проблема атрибуции, на наш взгляд, может быть позитивно решена на основании герменевтики текста и при условии выяснения происхождения самого флорищевского списка. Кодикологический и палеографический анализ рукописи предоставляет достаточно материала для решения этой задачи.

В частности, текстология памятника наталкивает на следующие выводы:

а) Автор текста в одном из фрагментов бранит «некоего самописчия», т. е. дьяка, называя его «извергом», и при этом составленное им «начертание» — проект договора новгородцев со шведами — называет «благословным» (Л. 287—287 об.). Крайняя уничижительность характеристики личности при позитивной оценке деяния создает впечатление, что автор писал о самом себе — уничижая себя, согласно принятой книжной традиции, дань которой он отдает на протяжении всего произведения. Звали этого «самописчия изверга», судя по криптонуиму, Иоанн — «ему же нима благодать» (др.-евр.). На момент написания данного фрагмента он, судя по всему, был дьяком новгородского Дома Святой Софии: «самосписеньми же по чину послужениемъ руки его от беловиднаго и пресвященна верха» (Л. 287)⁶. Итак, про автора этих строк мы знаем не так уж и мало. Информация, почерпнутая из данного фрагмента, поразительно совпадает с новгородским периодом биографии и служебной карьеры дьяка Ивана Тимофеева⁷.

б) Фрагменты, описывавшие новгородские события, характеризуются специфическим риторическим пафосом — повествование в них ведется буквально от лица «града святого великого», т. е. Новгорода. Таким образом, часть «ниточек» происхождения текста ведет именно в Новгород Великий, где и следует искать «самописчия» Иоанна.

в) Обратим также внимание на ряд диаметрально противоположных характеристик исторических персонажей, в чем проявляется, на наш взгляд, не просто субъективность, но и служебная/политическая заинтересованность автора. Так, кроме общепризнанного святого Федора Ивановича и «ныне здравствующих» царя Михаила Романова и патриарха Филарета Никитича, особые дифирамбы автор Временника посвящает князьям Михаилу Воротыньскому (†1572) и Михаилу Скопину-Шуйскому (†1610). К подчеркнuto негативным персонажам, за исключением Лжедмитрия (что само собой разумеется), относятся цари Иван Грозный, Борис Годунов, Василий Шуйский, а также окольныйчій Михалка Татищев. В 10—20 е годы XVII в. единственным заинтересованным лицом в расстановке подобных «историографических» акцентов был князь боярин Иван Воротыньский (†1628). Как известно, его отец, Михайло Воротыньский, несмотря на воинские заслуги, а именно: победу в знаменитой молодинской битве (1572), в том же году был обвинен Грозным в крамоле и скончался в муках⁸. Воротыньский-сын долгое время пребывал в опале при Годунове и возвратился в Москву лишь при Лжедмитрии. Впоследствии Иван Воротыньский был ближайшим сподвижником князя Михаила Скопина, с которым духовно породнился, избрав его крестным отцом своего сына Алексея. Именно на крестинах, судя по легенде, Скопин был отравлен «партией» Василия и Дмитрия Шуйских. Таким образом, Ивану Михайловичу Воротыньскому было за что таить семейную обиду и на Грозного, и на Годунова, и на Шуйского.

Из указанных в записке Тимофея Кудрявцева лиц, «подозреваемых» в хранении рукописи Временника, Воротыньские выглядят наиболее заинтересованными в существовании нарративного памятника, выдержанного в таких историко-политических тональностях. Во всяком случае, Временник, отчасти выполнявший функции филиппики по отношению к вышеназванным антигероям, не мог не

⁶ Именно первооткрыватель Временника Павел Строев впервые предложил считать автора памятника дьяком новгородского митрополичьего дома: Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882. С. 269—271. Все последующие исследователи от этой версии отказались.

⁷ См.: Солодкин Я. Г. Иван Тимофеев сын Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 2. С. 14—20. Нами осуществлялись попытки обнаружить иных претендентов на авторство, к примеру, «митрополича» Ивана Лутохина — новгородца, известного по ряду документов, или подьячего Ивана Соловецкого (См.: Опись и продажа с публичного торго... // Вестник Имп. Общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8. Смес. С. 1, 8; Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. II. № 21. С. 47; Опись Новгорода 1617 г. (сер.: Памятники отечественной истории. Вып. 3). М., 1984. Ч. 1. С. 13, 41). Детальное рассмотрение этого вопроса лежит за рамками данной публикации.

⁸ См.: Веселовский С. Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1940. Вып. 3. С. 273—274.

соответствовать «историческим» интересам князя Ивана Воротынского⁹. Если допустить, что автор маргиналии (Л. 277 об.) все же не ошибся в вопросе авторства, то Воротынскому было за что «жаловать» дьяка Тимофеева, а тимофеевских «временных и летописных книг», как предполагал записной дьяк Кудрявцев, действительно имело смысл «чаять» у Ивана Алексеевича Воротынского (внука).

Причастность к возникновению или хранению Временника знатного рода князей Воротынских в определенной мере разрешает и проблему отсутствия рецепции тимофеевского «всесложения» у современников. Судя по всему, до передачи в 1699 г. рукописи в монастырское книгохранилище (порукою по душе) не было сделано ни единой копии текста. В копировании обычно не было нужды, если рукопись неотлучно пребывала в руках замкнутого круга «пользователей», иными словами, была достоянием родовой библиотеки/архива. Для Воротынских (по крайней мере, двух первых послеопричных поколений) Временник был чем-то вроде родового летописца, сертификата «исторической чести», а стало быть, место ему — в семейном архиве, а не в качестве публичного душеполезного чтения (вроде «Истории» Авраамия Палицына). Для историков своего времени такие «собрания хартий» были недоступны, а владельцы обращались к ним лишь при случае. В результате рукопись несколько раз обновлялась (переписывались попорченные влагой фрагменты), редактировалась, наново переплеталась (вследствие чего имела место контаминация фрагментов¹⁰), но никогда не вводилась в историографический оборот. После того как в последней четверти XVII в. ветвь Воротынских угасла, актуальность Временника как историко-политического памфлета была окончательно утрачена, а как исторический нарратив Временник вернулся из небытия уже в эпоху «позитивистического» отношения к тексту-источнику в XIX столетии.

Как известно, государев дьяк Ивашко Тимофеев сын Семенов в 20-е годы XVII в. служил в Казанском приказе под началом князя Ивана Воротынского. Сказанное выше не свидетельствует напрямую, что именно Воротынский был заказчиком тимофеевского «сложения», однако не исключено, что автор **мог искать в его лице** высокого покровителя своего труда. Дьяк Тимофей Кудрявцев упоминал в своей записке как потенциального хранителя Временника и князя Алексея Михайловича Львова, служившего, между прочим, в том же Казанском приказе одновременно с Тимофеевым¹¹. Однако роль князя Львова в «биографии» текста, с нашей точки зрения, не просматривается.

2. Текст и метатекст

Причина историографической «невостребованности» Временника может быть объяснена также недостатком повествовательной целостности и риторической тяжеловесностью изложения, явно не популярной у современников (ср. стиль Авраамия Палицына, Семена Шаховского, Алексея Михайловича или Аввакума). Впрочем, это лишь попытка объяснения отсутствия рецепции Временника в XVII в.

Исключительно запутанный синтаксис и громоздкая (до «неудобочитаемости») лексика Временника при ощутимой книжной образованности автора — неисчерпаемый источник научных спекуляций. К примеру, гарвардским профессором Эдвардом Кинаном выдвинута версия, согласно которой Временник был написан архиепископом Арсением Элассонским¹². В связи с этим текст может быть интерпретирован как стилизованный перевод или плохо адаптированный для российской аудитории исторический «дискурс».

Выводы текстологии и герменевтики заставляют скептически отнестись к данной версии. Во-первых, «свидетельный» характер изложения многих фрагментов текста, прежде всего новгородских, явно не соответствует биографии архангельского архиепископа кир-Арсения. Во-вторых, стиль изложения принадлежащих его перу «мемуаров» хорошо известен по трапезундской рукописи и не конвертируется в высокопарную «церковнославянщину» Временника. Во всяком случае, ни один грек не станет

⁹ Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 157.

¹⁰ См.: Державина О. А. Археографический комментарий. С. 449.

¹¹ См.: Боярская книга 1627 года. М., 1986. С. 113.

¹² Keenan Edward L. The Reception of Old Ukrainian Poetry in Seventeenth-Century Russian Literature. Papers delivered at a Symposium on Old Ukrainian Literature. Sponsored by ACLS. Cambridge, Mass. 15 January 1987 (Unpublished); *Idem.* «Reply» // The Russian Review. 1987. Vol. 46. P. 202.

употреблять по адресу протестантов-шведов термин «еллины», они же «варвары» (лишь однажды «свеоны» и «немотушие фриги»). Наконец, отсутствие единой концепции и нарративной целостности текста указывает скорее на некий историографический проект, нежели на законченное произведение, свойственное писателям с постренессансным вышколом а la Арсений Элассонский. Аргументы *contra versus* могут быть умножены с учетом сравнительного филологического анализа Временника с учетом греческого синтаксиса того времени.

Для аргументации своей гипотезы профессор Кинан ссылается на лексический и грамматический анализ текста. Присутствующие в тексте грецизмы, латинизмы, «украинизмы», гапаксы и прочие признаки «сверхчуждости», по его мнению, никак не могут быть отнесены к литературной деятельности заурядного (или даже из ряда вон выходящего) московского приказного деятеля начала XVII в. По нашим же наблюдениям, грецизмов в тексте Временника не более чем в обыденном московском «гранографе», латинизмы — явление вполне естественное, особенно учитывая, что Тимофеев был дьяком Пушкарского и Большого двора приказов, а «украинизмы» суть не что иное, как полонизмы, присутствию которых в литературе эпохи Смуты удивляться не приходится¹³. Что же касается синтаксиса, то следует учесть, что «высокопарность» московских текстов в то время была свойственна изложению всякого глубокомыслия, в которое время от времени пускается автор Временника.

Впрочем, текст действительно является абсолютно неудобочитаемым, что не вполне соответствует творчеству приказных «графоманов». В связи с этим вопрос «сверхчуждости» автора также может быть разрешен на уровне изучения биографии дьяка Ивана Тимофеева, о раннем периоде жизни которого, в частности (само)образовательных возможностях, мы в сущности ничего не знаем. Не закрывая вопроса атрибуции, стоит все же признать, что дьяк Иван Тимофеев по-прежнему остается наиболее вероятным автором «глаголемого временника».

3. Временник как нарратив

Очередной этап изучения Временника как продукта российской историографической культуры XVII в. заключается в исследовании нарративного «почерка» автора, а также прецедента возникновения текста как такового.

Безусловно, московский династический кризис, гражданская война и интервенция начала XVII в. оказались наиболее существенными факторами перелома историко-нарративных практик своего времени. По меткому замечанию Ключевского, «историческая мысль успешно растет из политых кровью развалин [...]»; бедствия гораздо лучше, чем книги и лекции, обучили людей истории»¹⁴. Историки эпохи Смуты вынуждены были искать новые формы исторического нарратива, тогда как старые, летописно-хронографические, оказались крайне бедны для описания и размышления о том, чему современники были свидетелями и что вызывало живейший резонанс у читательской аудитории (прежде всего в узком кругу «заказчиков»). Тем не менее проблема исторического изложения и повествовательного стиля Временника не объясняется одним лишь историографическим «экспериментом».

С одной стороны, Временник — уникальное произведение в своем жанре, с другой — автор, бесспорно, искал традиционности, насколько был в силах. Отклонения от риторической патетики почти всегда обусловлены тем, что при работе над текстом автор вовсе не пользовался подручным историческим материалом. Кроме собственных впечатлений в произведении присутствует лишь информация, бывшая в то время как бы изустной: версии об отравлении Ивана Грозного, Феодора Ивановича, Скопина-Шуйского, etc., или «четьей» (читаемой в церкви): чудо Никиты Переяславского, сказание о новгородской иконе Знамение, etc. Цитаты из Священного писания являются «дискурсивными» и лишь

¹³ Приведем ряд примеров. Грецизмы: *сиглит* (Л. 22 об. и др.), *пифицы* (Л. 131 об.), *матерь градом* (множ.); латинизмы: *силетиар* (Л. 23); *лупп* (Л. 48 об.); *каланды* (Л. 107 об.), *куртес* (Л. 262 и др.), *суперный* (Л. 301); полонизмы/«украинизмы»: *малжена* (Л. 3), *прикладне* (множ.), *баиты* (Л. 106), *соймы* (Л. 126 об.), *бритко* (Л. 143), *стрый* (Л. 251). Данный список не является исчерпывающим по причине отсутствия специального лингвистического исследования Временника.

¹⁴ Ключевский В. О. Лекции по русской историографии. М., 1989. Т. VII. С. 91, 156.

в одном-единственном случае предполагают реферирование конкретного книжного материала (См.: Л. 18 об. — 19). Иными словами, «писательская лаборатория» автора размещалась буквально на его собственных коленях. Как доказывалось нами в предыдущей работе, значительная часть *Временника* писалась Тимофеевым в Новгороде в последние, наиболее бедственные месяцы оккупации (1615—1616), когда дьяк пребывал едва ли не в опале; условия работы далеко не способствовали тому, чтобы из черновых набросков и «мемуарных» записок сразу возникло монументальное историческое произведение¹⁵. Еще менее реально было бы требовать от автора компилятивного подхода.

В результате традиционность текста почти исключительно сводится к лексическому аппарату изложения: неологизмам, синтаксическим оборотам, криптионимам, гапаксам и прочим наивным попыткам искусственной церковнославянизации светского языка. Стремление представить неудобочитаемость текста как «авторскую добродетель» известна и по другим памятникам. Высокопарность в московском книжном дискурсе того времени была едва ли не тождественна гениальности, «выспренности» (ср. позднейшие опыты Елифания Славинецкого, Евфимия Чудовского, отчасти Феодора Поликарпова). Кроме того, автор исходил из хрестоматийного представления об истории Московского царства как фрагменте Священной истории, язык которой должен быть выдержан в духе принципиально иной словесности, нежели язык приказной канцелярии или «подметной» публицистики.

Как светский дьяк, автор (если им действительно был Ивашко Тимофеев сын Семенов) не обязан был владеть церковнославянским на уровне исторического сочинительства. Однако мастерское владение уникальным для современной российской литературы историческим методом изложения все же заставляет нас искать корни его учености, явно выходящие за пределы общедоступных палей и азбуковников.

4. *Временник* как кодекс

Дополнительное затруднение в интерпретации *Временника* и выяснении его происхождения заключается в том, что в составе тимофеевского *всесложения* (именно так именуется свое писание автор) имплицитно присутствуют по меньшей мере **четыре разных произведения** и множество разрозненных фрагментов, рассеянных по всему корпусу *Временника*. Их отличает не только значительный временной промежуток написания, но и задачи, с которыми автор брался за перо. Так, краткий фрагмент с историей и предысторией царствования Ивана Грозного был написан еще при жизни Федора Ивановича (†1598) и не имел практически ничего общего с основным повествованием; иначе стоило ли оставлять на фоне «дискурса» о «всеконечном разорении» такой нонсенс, как упоминание о **нескончаемой** идиллии царствования Рюриковичей (Л. 13—13 об.)? Последующие сюжеты о Грозном автор писал уже в годы Смуты (скорее всего, в период междоцарствия), подчеркивая историческую связь между опричными бедствиями и последующим политическим кризисом и интервенцией.

Отдельным нарративным блоком выступают фрагменты новгородской эпопеи в годы Смуты и шведской оккупации. Автор вначале не обинуясь заявляет, что взяться за перо, «зря мѣстное таковое и неприкладное запустѣние», его вдохновила собственная «мысль облакоподобная, скоролетящая высокопарне, яко по воздуху птица» (Л. 212—212 об.). Мотив, согласимся, чрезвычайно любопытный (для литературной ситуации своего времени). Однако вскоре столь же прямым текстом автор сообщает, что написать эпопею Смуты его подтолкнул Новгородский митрополит Исидор (См.: Л. 277 об. — 278). Таким образом, мы имеем дело с **двумя** историографическими опытами автора, одинаково отразившимися в корпусе *Временника*. Кроме того, следует учесть, что тимофеевская «новгородиана» стоит обособленно от прочего повествования о царствованиях второй половины XVI — начала XVII в. (до Шуицкого). Именно последнее составляет львиную долю текста памятника.

Отдельным блоком следует рассматривать фрагменты, написанные после попытки Владислава IV вступить в свои политические права в Московии (1618) и возвращения «трисв(я)тшишаго» Филарета «от

¹⁵ Рыбаков Д. А. Судебная эпопея дьяка Ивана Тимофеева: коррупция и государственный аппарат в Новгороде начала XVII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 12 (22). В печати.

запленения латынь» (Л. 307 об.). В рукописи последовательность этих событий нарушена. Первоначальное отношение этих фрагментов, равно как и всего «Лѣтописца вкратце» (Л. 270—312), к прочим метаблокам трудно установить эмпирически. Создается впечатление, что «Лѣтописецъ вкратце» вообще состоит из фрагментов, которым позднейший составитель не нашел места в основном корпусе Временника. Заглавие этого раздела — «Лѣтописецъ вкратце тѣх же предипомянутых ц(а)р(с)твѣ і о великом Новѣграде» (Л. 269), как и все прочие заглавия, принадлежит также позднейшим редакторам. Последним, судя по всему, хотелось предложить некий компендиум с пространным предисловием и теоретическим вступлением (Л. 270—279), новым «Зачалом» (Л. 279—279 об.) и собственно кратким изложением царствований от Ивана «Всегрозного» до Василия Шуйского (Л. 280—285), включая новгородский сюжет (Л. 285 об. — 287 об.)¹⁶. Однако размещенные там же две притчи «о вдовствѣ московского г(осу)д(а)рства» (Л. 288—297 об.) и последующий сюжетный коллаж, содержащий панегирик Романовым отцу и сыну (Л. 306 об. — 310), заставляют отказаться от идеи усматривать в «Лѣтописце вкратце» некий компендиум, даже если таковой и замыслился автором. Бесспорно, «Лѣтописецъ вкратце» представляет отдельное произведение, но его **первоначальный состав** остается загадкой.

Впрочем, во Временнике вообще трудно уловить первоначальную, авторскую структуру. В отличие от нас, его автор мало заботился о структуре нарратива, плывя по течению своего риторического «облакоподобного» вдохновения. Ученые догадки о «механической» путанице фрагментов и попытки реконструкции «аутентичного» состава произведения, следовательно, **лишены основания**¹⁷. Одним словом, Временник более походит на некий историографический проект (как заметил Полосин, *архив*¹⁸), состоящий из отдельных тетрадок и проб пера, нежели на специально подготовленный автором к «обнародованию» труд.

Набор разновременных и весьма отличных по задачам очерков был переписан, подобран тематически (насколько это было возможно) и переплетен в один кодекс кем-то, определенно не автором, унаследовавшим этот «архив» в том состоянии, в котором он находился **на начало 20-х годов XVII в.** Причем переписчик столь пунктуально отнесся к своему делу, что механически перенес в копию 30-х годов XVII в. даже явно анахроничные и несуразные сведения. Последующая редакция носила весьма «косметический» характер — исправлялись лишь описки, допущенные при восстановлении текста; ряд букв и на неповрежденных листах, место для которых было оставлено еще в 30-е годы XVII в., так и не появились впоследствии (см.: Л. 138, 140). Наконец, в 60-е годы XVII в. (возможно, 70-е годы XVII в.) текст был вновь откорректирован, при этом в рукописи появилось оглавление и киноарные пометы, поменяли свое расположение и ряд фрагментов¹⁹. Однако в целом характер повествования сохранил авторскую «нестройность», что делает текст максимально аутентичным (за исключением, разумеется, структуры).

Автор оставил в тексте обещание **в будущем** самостоятельно отредактировать и упорядочить разрозненные «черновые» заметки. Судя по всему, этим планам не суждено было сбыться, иначе стоило ли консервировать реплику с явными ожидательными коннотациями: «аще живи будемъ и ѡбрящемъ възможни, начнемъ ѡ исправленіи предварших своихъ писаниі [...], аще не запнутъ в нихъ стопы н(а)ша» (Л. 220—220 об.)? В результате Временник так и остался проектом — смелым, новаторским, но нереализованным моментом ранней российской историографии.

¹⁶ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. С. 358.

¹⁷ Одна из таких попыток: Солодкин Я. Г. Временник Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск, 2002. С. 63—64.

¹⁸ Принимаем предложенный Иваном Полосиным термин «архив» лишь как условный, наиболее точно отражающий нарративную структуру Временника. См.: Полосин И. И. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII в. // Ученые записки МГПИ. М., 1949. Т. 60. Вып. 2. С. 153—163, 187—188, 191; Полосин И. И. Социально-политическая история России XIV — начала XVII вв. Сб. ст. М., 1963. С. 342.

¹⁹ См.: Рибиков Д. О. Временник Ивана Тимофеева: концепція «авторського архіву» (до питання про атрибуцію і контекст) // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2004. Вип. 4. С. 379—385.